

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ СВОБОДЫ

ЛЕВОН СААКЯН

Проблема свободы является одной из кардинальных проблем марксистско-ленинской философии, и вполне понятен тот все более растущий интерес к ее теоретическому осмыслению, который наблюдается в нашей философской литературе в последние годы.

Цель данной статьи, не вдаваясь в историю решения проблемы и не останавливаясь на точках зрения отдельных авторов, предпринять попытку логико-гносеологического обоснования свободы как познанной необходимости.

Прежде чем приступить к рассмотрению свободы следует проанализировать категорию необходимости. Общеизвестно, что в марксистской философии различают природную необходимость, историческую и логическую. Логическая необходимость может быть конечной (формально-логической), т. е. неполной и представлять собой полную необходимость, которая выражена бесконечным умозаключением¹, т. е. логической формой проявления полноты конкретного — единства противоречия.

Хотя категория необходимости имеет *разные аспекты* и может быть выражена как неполно, так и полно, тем не менее как категория она одна.

«Возможно различное понимание логической необходимости. 1) необходимость получения тождественного, что имеет место при аналитичности; 2) необходимость получения иного; это осуществляется в синтетичности; 3) *необходимость утверждения самого себя посредством внутреннего отрицания; здесь имеется полное необходимое единство синтетичности и аналитичности*»².

Первая, *формально-логическая необходимость*, основанная на *абсолютном отрицании*³, определяется как *невозможность иного*. Невозможность иного для «нечто», если «нечто» обозначить через F, означает невозможность *небытия* F и невозможность *бытия* не-F. Здесь выражена необходимость косвенного апогогического доказательства, которое неполноценно, ибо, как справедливо замечает С. Б. Церетели, «само «нечто» остается недоказанным, если не считать таким доказательством то обстоятельство, что оно остается в силу невозможности проти-

¹ С. Б. Церетели, Диалектическая логика. Тбилиси, 1971, стр. 52—53.

² Там же, стр. 53 (Разрядка моя — Л. С.).

³ Диалектическое отрицание носит *относительный* характер. Впервые оно было выражено в «Софисте» Платона.

воречащего ему. Оставаться же вне доказательства — значит оставаться недоказанным...

Но если нечто с необходимостью таково потому, что невозможно противоречащее ему, то оно таково именно *из-за* этого — невозможности противоречащего. Невозможность противоречащего выступает *основанием* определенности нечто, имеющего и признак противоречащего. А это значит, что необходимо единство противоречия, т. е. полная необходимость должна быть необходимостью единства противоречия⁴.

Рассмотрим сначала необходимость в аспекте невозможности иного. Необходимо то, что следует из сущности, которая *проявляется не синхронно, а во времени*.

Проявление сущности есть переход возможности в действительность. Следовательно, необходимость разворачивается из сущности в явление в форме перехода из возможности к действительности. Поэтому возникает вопрос: *как соотносятся необходимость и возможность?* Возможность может быть интерпретирована различно. Рассмотрим два способа интерпретации возможности.

Согласно первой интерпретации, возможность есть такая предреализационная форма существования объекта, подлежащего реализации, когда «может быть» (одна «программа») логически предполагает «может и не быть», т. е. другую «программу» (Аристотель, Гегель). Иначе говоря, это предреализационное полагание или предположение *бивариантности* (противоречащих) альтернатив («программ»).

В этом случае необходимость противоречит возможности, ибо необходимость как невозможность иного (невозможность *небытия* «нечто» и невозможность *бытия* иного) есть *исключение альтернативы бивариантности*.

Таким образом, если полагается необходимость, то исключается бивариантная возможность. Если же полагается бивариантная возможность, то исключается моновариантная необходимость.

Как мыслима такая позиция?

Если допустить, что она истинна, то отсюда вытекает, что необходимость *возникает* в действительности, *не пребывая* в предреализационной фазе в возможности. Но все то, что в предреализационной фазе не находится *в возможности*, оно должно быть *в невозможности*, т. е. должно быть *невозможным*. Третьего нет.

Однако невозможность на то и есть невозможность, что она *принципиально не имеет выходов в существование*. В этом смысл *невозможности*.

Но коль скоро необходимость *возникает* в действительности (а возникновение есть переход от *небытия*⁵ к бытию с точки зрения фиксиро-

⁴ С. Б. Церетели, указ соч., стр. 53 (Разрядка моя — Л. С.).

⁵ Возможный объект в предреализационной фазе с точки зрения параметров данного уровня реализации пребывает в *небытии*. Но это не абсолютное небытие, а относительное, относительно уровней реализации. Например, реализованный на уровне записи (расчетов) проект находится в *возможности* или *небытии* по отношению к официальному его обсуждению соответствующей комиссией.

занного уровня существования), то *исключается* тем самым пребывание необходимости (в предреализационной фазе) в *невозможности*. Следовательно, необходимость «предсуществует» в *возможности*. Но так как это противоречит *бивариантности возможности*, согласно первой ее интерпретации («может быть», совмещающееся с «может не быть»), а необходимость в действительности *есть*, то исключается состоятельность интерпретации бивариантности возможности, тем самым полагается вторая, *моновариантная* концепция возможности, которая есть категория для обозначения предреализационной, потенциальной формы существования объекта (однозначной «программы»), подлежащего реализации. Это моновариантная интерпретация, т. е. концепция однозначной возможности *вполне совместима* с необходимостью.

Кроме того, спрашивается: как мыслима двузначная возможность, если для того, чтобы она была мыслима, должны быть *равносильны* (в отношении своих оснований) две противоречащие «программы»?

Если они будут *неравносильны в отношении своих оснований*, то значит одна из «программ» будет ущербна в комплексе необходимых и достаточных признаков, т. е. в своем *основании*. Тогда основание это будет недостаточным. А недостаточное основание, как справедливо заметил Гегель, не есть основание. В таком случае мы будем иметь *одно* основание, одну «программу», что противоречит двузначной возможности (первой ее интерпретации).

Следовательно, двузначная возможность должна иметь *равносильные* основания. Но так как из двух противоречащих «программ» может реализоваться *только одна*, а нереализованная «программа», *имеющая (достаточное) основание*, не может быть не реализована (ибо если все условия налицо — «программа» должна реализоваться), то двузначная возможность *немыслима*, т. е. *невозможна*. Значит, всякая возможность⁶ *однозначна* и как таковая уже *совместима* с необходимостью, могущей иметь две формы: форму *возможности* и *действительности*.

«Возможно ли что-либо или невозможно, это зависит от содержания, т. е. от *всей совокупности моментов действительности, которая в своем разворачивании оказывается необходимостью*»⁷.

Наличие необходимости в форме возможности есть наличие *скрытой* невозможности иного, следовательно *скрытой исключенности* псевдоконкурирующих «программных» вариантов. Скрытая невозможность иного или *скрытая* исключенность иных программ (без чего необходимость не может быть мыслимой) становится проявленной необходимостью.

Двузначная необходимость — нонсенс.

Если же необходимость однозначна (в принципе), то как возможна свобода?

Ведь если понимать свободу как *всякую* познанную необходимость, противостоящую человеку как *пассивному ее отражателю*, то тогда поз-

⁶ Имеется в виду динамический, а не статистический аспект.

⁷ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 29, стр. 141.

нанная необходимость будет познанной зависимостью. А свобода не есть просто осознанная зависимость. Она есть ее противоположность — независимость. *Как же осуществима свобода как независимость, когда она определяется как познанная (однозначная) необходимость?*

Утверждение свободы как независимости, необусловленности должно быть отрицанием необходимости (как зависимости, обусловленности), а утверждение необходимости есть отрицание свободы. Но отрицание необходимости неосуществимо, ибо гипостазированная свобода, полагающаяся отрицанием необходимости, превращается в необходимость, доказывая тем самым неустранимость необходимости.

Как же тогда возможна свобода?

Для этого надо выяснить, во-первых, *нужный аспект* понимания необходимости, во-вторых — *проблему выбора*. Человек, не могущий управлять внешней необходимостью (природной), лишь раб ее и как таковой он невозможен. Мыслимость человека, вписанного в контекст природы как среды, требует необходимо *социального момента*, т. е. он должен не только *адаптироваться* к среде, но и *адаптировать* ее по отношению к себе. -

Если природная необходимость, которую условимся называть «программой А», (A^n) полагается как *тезис*, то при отмысливании человеческой деятельности «программа А» будет выступать как *первое отрицание*, делающее невозможным бытие человека. Тогда человеческая активность как инициативная целеполагающая деятельность мыслима как полагание (нахождение и реализация) некоторой иной «программы В», (B^n), могущей репрессировать направленность стихийных сил «программы А» и осуществить управление ею. «Программа В» будет выступать как *антитезис* или отрицание отрицания. Логически каждая «программа» (A^n и B^n) является отрицанием отрицания и выступает как односторонность. В самом деле, если B^n есть отрицание A^n , то A^n есть отрицание отрицания A^n . Если A^n есть отрицание B^n , то B^n есть отрицание отрицания B^n .

«В противоречии каждая его сторона является отрицанием второй стороны, как своего отрицания, т. е. каждая из них является отрицанием отрицания. Поэтому противоречие представляет собой не только отрицание отрицания, но и *двойное отрицание отрицания*... взаимное двойное отрицание общего и частного есть не упразднение друг друга и не только восстановление самих себя, но и *проявляет взаимную необходимость*»⁸.

По мере того как деятель осознает и реализует программу деятельности (B^n), он преодолевает определенную степень прикованности к ситуации.

Управление, с некоторой точки зрения, есть следствие коммуникации разноразмерных по рангу организации подсистем, где высшая подчиняет себе низшую.

⁸ С. Б. Церетели, указ. соч., стр. 119 (Разрядка моя — Л. С.). Практика как «внедрение» B^n в A^n есть синтез их, где охватывающим моментом является B^n .

Мысль о том, что в социальной реальности люди действуют, преследуя частные цели, и создают глобальные общественно-экономические последствия, не ведая того, помимо своей воли, не противоречит сказанному, ибо программа B^n так или иначе как *сущность* деятельности (сознательно или бессознательно) выступает как детерминатор всех последствий человеческой деятельности, обнаруживая в B^n действующий через деятельность сектор непредвиденных последствий.

Но тут возникает некоторая трудность, заключающаяся в том, что человек как деятель, устанавливая свою власть над A^n , попадает в зависимость от B^n . Как же можно назвать человека свободным, если он зависит от даже более высокоорганизованной формы необходимости? Ведь подчиненность более высокоорганизованной системе не устраняет факта зависимости.

Дело в том, что человек несет в мир некую *форму необходимости*, которая может проложить себе путь в действительность лишь через канал его деятельности. Это можно назвать *долженствованием*.

B^n может носить *принудительный* характер для деятеля лишь до тех пор, пока он сознает B^n как *внешний* ему момент, т. е. пока он *не осознает* должным образом B^n . Поскольку B^n в принципе рождается из его *отношения к миру* и связана с его ценностными ориентациями, мотивационной системой, его целями, интересами и мироощущением, детерминированными в конечном итоге его местом в социуме, его общественным бытием, то B^n есть *его* «программа», «его другое», его имманентный момент, а не нечто, внеположное его природе.

Но не остается ли при этом субъект деятельности как единство B^n и деятеля, противопоставленным A^n ? Ни в коей мере, так как всякая деятельность немыслима без объекта действия. Весь смысл чувственно-предметной деятельности заключается в этом отношении в том, чтобы включить A^n в орбиту влияния B^n и подчинить A^n себе. Противопоставление может быть *до* действия, в форме нереализованной цели. Но это лишь предреализационная позиция действия, а не само действие. *Действительное* действие пронизывает как B^n , так деятеля и A^n . Это единый процесс объективизации субъективного (внесение требуемой человеку формы организации во внешний мир), который в то же время и есть субъективизация объективного, с точки зрения предмета труда, обретающего формы, которые человек в них воплощает. «Общество, — писал К. Маркс, — есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы»⁹.

Сознание человеком своей зависимости от B^n на уровне формы «всеобщности и бесконечности» есть сознание им законов собственной деятельности, ибо, как указывает Ф. Энгельс, закон есть форма всеобщности и бесконечности¹⁰.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 590.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, М., 1961, стр. 548.

Если зависимость от другого есть несвобода, то зависимость от себя есть независимость. *Осознанная независимость есть свобода*. Поскольку зависимость деятеля от В^п есть зависимость от своего существующего и имманентного момента, т. е. в конечном итоге от самого себя, а зависимость от себя есть независимость, и поскольку *осознанная независимость есть свобода*, то *осознанная зависимость от В^п как от самого себя есть осознанная независимость, т. е. свобода*.

В^п есть *необходимость* и ее *функционирование* выступает как закон собственной деятельности, поэтому сознание В^п есть *осознанная необходимость*, причем *не всякая необходимость, а именно та, которая прокладывает себе путь в действительность через человеческую деятельность*¹¹. Но поскольку осознанная независимость обретает форму сознания законов собственной деятельности, то *свобода выступает как сознание законов собственной деятельности*.

Если свободу ранжировать по уровням, то по мере приближения субъекта к сознанию законов собственной деятельности осуществляется становление свободы. Ставшей она становится при *наличии* этого сознания. *Степень свободы определяется степенью глубины этого сознания*.

Сознание законов собственной деятельности есть сознание необходимости самой свободы.

Деятельность первична. Она определяет и разрешает противоречие субъект-объекта, что проектируется в категории свободы. Правда, законы объективного мира независимы от деятельности и существуют *вне и до* человеческой деятельности. Но знать их и управлять ими человек может лишь *после и вследствие* деятельности, т. е. *на ее основании*.

Человек как деятель должен вначале стать в такую позицию, когда на него ложится *функция детерминатора*. Он должен стать функционально в позицию сущности, внутреннего, основания, причины, а *плоды* его деятельности должны выступать как явление, внешнее, основанное, следствие, чтобы он имел возможность осмыслить связь этих категорий как объективную связь, независимую от своего сознания. Это осуществляется непреднамеренно и включается в логику его взаимоотношения с природой. Именно это имел в виду Ф. Энгельс, когда писал: «...благодаря *деятельности человека* и обосновывается представление о *причинности*, представление о том, что одно движение *есть причина* другого»¹². И там же: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа, как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научился изменять природу»¹³.

¹¹ В. Бычко, *Познание и свобода*, М., 1969.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 20, стр. 546—547.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 20, стр. 546—547.

Для того, чтобы понять, как относится однозначная, моновариантная необходимость к свободе и как они совместимы, надо решить проблему *свободы выбора*.

Если необходимость и возможность моновариантны, а свобода выбора предполагает поливариантность, то возникает противоречие, которое требует разрешения. Выбор предполагает набор вариантов, из которого надо извлечь только один. Как он осуществляется? *Выбор строится на познании*. Субъект деятельности *сознает* пригодность одного и непригодность других вариантов соответственно *нужности, существенности (истинности) и осуществимости*. Когда познание в принципе завершено, то вариант избран, остальные — элиминированы. Далее решение погружается в реализацию. Значит, свобода (а не произвол) выбора, основанная *на познании*, дает человеку *каждый раз один вариант, который набирает комплекс условий, необходимых и достаточных, чтобы привести содержание возможности к выходу в действительность*. Все другие варианты — псевдоконкурирующие «программы», которые неосуществимы в силу недостаточности их основания, а недостаточное основание — не есть основание. А без основания ничто неосуществимо.

С этой точки зрения, даже *свобода выбора* и ее реализация (переход возможности в действительность) строится *необходимым* образом и носит *моновариантный характер*, что несколько не противоречит истинному пониманию свободы. *Здесь возможность свободы превращается в действительную свободу*. Когда человек поступает стихийно, не опираясь на целеполагание, то это несвободное действие. Несвободное действие также моновариантно.

Свобода как адекватное сознание (познание) законов собственной деятельности есть *истина*. Но если *истина есть процесс*¹⁴, то *свобода есть процесс* осуществления познания *полноты конкретного*, которая *выступает* в своем теоретическом пределе (идеале) как цель.

Цель есть субъективное опережающее отражение необходимости (долженствования), творчески порождаемой деятелем, отражение в форме терминальной осуществленности (в сознании), соответствующее ценностным ориентациям и осуществляющееся в действительности в формах ее последовательных приближений.

*Значит, свобода есть целеполагающая деятельность, основанная на сознании законов собственной деятельности. Такая целеполагающая деятельность, идущая по линии возрастания степеней осуществления цели как полноты конкретного, есть развитие цели познания законов собственной деятельности. Развитие цели этого познания есть развитие самой свободы. А так как развитие есть реализация полноты конкретного, т. е. реализация эволютивных рядов, то свобода есть реализация цели познания законов собственной деятельности. Но так как реализация такой цели есть реализация самой свободы, то свобода есть само-реализация*¹⁵.

¹⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 183.

¹⁵ С. Б. Церетели, указ. соч., стр. 36.

Мы подошли вплотную к собственно диалектическому аспекту свободы как познанной необходимости.

Конечным является то, что определяется (утверждается или отрицается) другим. То, что *определяется собой*, зависит от себя. обусловлено собой, то *бесконечно*. До сих пор необходимость рассматривалась нами как однозначность (невозможность иного). Но это *конечный аспект* необходимости. *Полная логическая необходимость* диалектична. Она строится на утверждении-отрицании.

Если формально-логическое противоречие строится на *абсолютном отрицании* и в сфере конечного мышления (рассудке) полагается закон *невозможности противоречия*, а в *отрицательной диалектике* (антиномах) полагается *необходимость противоречия* (здесь отрицание как сущности противоречия мыслится уже как *относительное* отрицание¹⁶), то в *положительной диалектике* полагается *единство противоречия* (единство невозможности и необходимости его).

Полная логическая необходимость или бесконечно логическое утверждается своим отрицанием. Но как понимать тогда свободу?

Если конечное есть зависимое от другого, то отрицание зависимости от другого дает *односторонне* независимое, ибо зависимость от себя есть независимость. Если свободу как осознанную независимость подвергнуть отрицанию, то она осуществит это отрицание как утверждение независимости от независимости. Поскольку же отрицание независимости дает зависимость, то тем самым обосновывается неустранимость независимости, т. е. полагается полнота конкретного, т. е. *единство противоречия*, которое есть «суть диалектики»¹⁷.

Следовательно, свобода как осознанная независимость обосновывает диалектико-логически самое себя, т. е. самоутверждается через самоотрицание. И это получается на основе бесконечного умозаключения, разработанного С. Б. Церетели.

Истина, согласно диалектической логике, выражается в двух противоречащих суждениях, ибо каждое из них—односторонность. Свобода как независимость не абсолютно исключает зависимость, а снимает ее и подчиняет себе.

В развернутой форме истина выражается в восьми суждениях, которые исчерпывают полноту логических моментов. Если форму восьмиричного бесконечного умозаключения Церетели применить к понятию свободы и представить ее в виде двух моментов: независимости и зависимости, где каждая односторонность синтезируется единством, представленным охватывающим бесконечным моментом—осознанной независимостью, то это будет выглядеть так:

1. Если *есть* зависимость, то *есть* и независимость;
2. Если *есть* независимость, то *есть* и зависимость;
3. Если *нет* зависимости, то *нет* и независимости;
4. Если *нет* независимости, то *нет* и зависимости;

¹⁶ Платон, Софист, т. 2, М., 1970, стр. 376—383.

¹⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 316.

5. Если *есть* зависимость, то *нет* независимости;
6. Если *есть* независимость, то *нет* зависимости;
7. Если *нет* зависимости, то *есть* независимость;
8. Если *нет* независимости, то *есть* зависимость.

«Единство восьмисторонности, или единство противоположных-противоречащих сторон есть утверждение чего-либо его же отрицанием и наоборот. Если же это невозможно, то невозможно и единство противоположностей в сфере логического. Утверждение чего-либо его же отрицанием оправдывает его односторонности — моменты.

Этим разрешаются все те трудности, связанные с природой суждения, непосредственного умозаключения, конечных умозаключений и понятий, о которых говорилось выше. Утверждение чего-либо его же отрицанием есть логическое оправдание смысла категории логического. В основе восьмисторонности логической связи лежит бесконечное умозаключение»¹⁸.

Здесь свобода представлена как *синтетическое* понятие. Мы хотим отметить тут один аспект, не рассматриваемый в труде С. Б. Церетели, на который мы опирались.

Если свобода осуществляется через реализацию конкретной истины, которая в то же время фигурирует как становящаяся и разрешающаяся цель познания законов собственной деятельности, то познание реализации есть снятие, отрицание реализации. Но так как познание само есть реализация, то познание реализации, как отрицание реализации, есть утверждение реализации через реализацию свободы.

В этом смысле свобода есть форма обоснования реализации как категории логического. В самом деле — *отрицание* реализации есть *реализация* отрицания. Но так как реализация есть процесс перехода возможности в действительность, и нет ничего (среди конечных явлений) в действительности, что предварительно не находилось бы в возможности, а свобода как познанная необходимость *есть* в действительности и есть как конечное во *временном* смысле (имеет начало, возникновение и т. д.), то *реализация* свободы как *синтетической* категории есть *выражение* того содержания, которое несет в себе возможность свободы. Поэтому *реализация синтетического* понятия свободы *аналитична*, если рассматривать становление осуществляющейся полноты конкретности как развертывание потенциальной свободы. *Поэтому сама реализация синтетического аналитична*. И если в диалектической логике определяющим является синтез синтеза и анализа, то мы намерены подчеркнуть *реализационный* момент становления синтетического, а именно: *анализ синтеза и анализа* как акта разворачивания наличной свернутой возможности свободы.

Мы полагаем, что реализационный аспект не конфронтирует с синтетическим, а дополняет его, работая на осуществление полноты конкретного.

¹⁸ С. Б. Церетели, указ. соч., стр. 273—274.

ԱԶԱՏՈՒԹՅԱՆ ԴԻԱԼԵԿՏԻԿԱԿԱՆ-ՄԱՏԵՐԻԱԼԻՍՏԱԿԱՆ
ՀԻՄՆԱՎՈՐՄԱՆ ՊՐՈԲԼԵՄԻ ՇՈՒՐՋ

ԼԵՎՈՆ ՍԱՀԱԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո մ

Ազատությունը գիտակցված անկախություն է: Անհրաժեշտությունը (իբրև միակողմանիություն, իբրև վերջավոր) այլի անհնարինությունն է: Եթե ազատությունը սահմանվի լոկ իբրև գիտակցված արտաքին, բնական անհրաժեշտություն, ապա հանդես կգա որպես միակողմանիություն, որպես վերջավոր, այսինքն որպես այն, ինչ սահմանվում է այլով: Այլով սահմանվողը կախյալն է: Ուստի ազատությունը հանդես կգա որպես գիտակցված կախյալություն, մի բան, որ հակասում է ազատություն հասկացությանը: Անվերջն այն է, ինչ իրենով է սահմանվում ինքնաբացասման միջոցով: Ազատությունը կարող է մտածվել միայն իբրև անվերջ (լիակատարություն իբրև միակողմանիությունների միասնություն):

Գիտակցելով անհրաժեշտությունը (հարկադրելիությունը) որպես իր համակարգի ներքին պահ, -գիտակցելով իրենում ղեկավարող «ծրագիրը» որպես իր անհրաժեշտությունը, գործողն այն դիտում է իբրև կախյալություն ինքն իրենից, որ հենց անկախություն է: Ազատությունն իբրև գիտակցված անկախություն գիտակցված անհրաժեշտություն է դառնում միայն գործունեության միջոցով: Այստեղ ազատությունը հանդես է գալիս իբրև անվերջություն, այսինքն իբրև ներքին և արտաքին անհրաժեշտությունների միակողմանիությունների միասնություն: Ազատությունը սեփական գործունեության օրենքների գիտակցումն է: Այսպիսով, ազատությունը նպատակադրող ինքնաիրականացումն է: Ութանդամ անվերջ մտահանգումը միջոց է հանդիսանում, որի օգնությամբ կատարվում է ազատության ինքնահիմնավորումը: